

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 008:001.8

М. Н. Кокаревич

ПРИНЦИПЫ УНИКАЛЬНОСТИ И РАВНОЦЕННОСТИ КУЛЬТУР КАК УСЛОВИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В статье показывается, что осознание каждой культурой собственной уникальности является условием для признания равноценности всех культур, что становится основанием для толерантных отношений между культурами.

Ключевые слова: культурно-исторический тип, русская культура, ментальность культуры.

Современное общество – мультикультурное общество. В современном сознании утвердилась идея существования культуры как сосуществования отдельных качественно своеобразных культур. При этом каждая отдельная культура – это целостность со своим ментальным ядром, которое задает границы культурных взаимопроникновений. Восприятие каких-либо культурных феноменов, идей, идеалов ограничено, предзадано системой ментальных ценностей взаимодействующих культур. Навязывание чуждых, т.е. несовместимых с собственной базисной системой ценностей какой-либо культуры, идеалов и идей воспринимается данной культурой как угроза собственной идентичности. В этом случае «просыпается» воля к жизни у этой культуры, жажда вечно-возвращения к своим доминантным истокам, начинается подъем национального самосознания. Данная ситуация была, например, характерна для русского национального самосознания в конце XIX в., когда Н. Я. Данилевский, критикуя тезис о вековом отставании России от Европы, сам принцип сравнения культур в рамках общего основания, убедительно обосновал невозможность существования такого единого основания, право русской культуры быть отдельным самостоятельным культурно-историческим типом со своей системой ценностей, отличной от европейской и задающей как собственное направление развития, так и критерий развитости.

Таким образом, комплиментарное, открывающее возможности для процветания и развития каждой культуры сосуществование культур в рамках мультикультурного общества возможно при условии осознания каждой из них собственного качественного своеобразия, своей индивидуальности и равновеликости всех культур. Тем самым единственным основанием толерантных взаимоотношений между культурами может стать идея равноценности всех культур и народов. Данная идея базируется, в свою очередь, на идее осознания каждой культурой собственной уникальности.

Представляется, что осознание русскими собственной культурной уникальности остается проблемой, в противном случае вопрос о поиске национальной идеи не дебатировался бы с таким постоянством. Покажем, что такой национальной идеей для русских может быть только православие как фундамент национальных идеалов и ценностей.

Особая роль православия заключается, во-первых, в том, что оно стало тем стержнем, вокруг которого собрались многие племена и образовался новый этнос – великороссы, или русские; во-вторых, православие стало тем базисом, который собрал все удельные княжества распавшейся Киевской Руси и вновь появившиеся в единое Московское государство; в-третьих, православие определило ценностные установки, идеалы русской культуры, характер русского народа.

Православием проросла, пропиталась культура Киевской Руси. Русич хотя и не был особенно верующим (так в захоронениях простого народа периода Киевской Руси редко находят крестики), но невозможно было представить себе город, село без церкви, избу без иконы, жизнь без христианских праздников, чтения жития святых. Такой образ жизни к XI в. утвердился прочно, но с этого времени Киевская Русь начинает подвергаться особенно яростным нападкам половцев. Эта ситуация предопределила отток населения, началось великое переселение. XI–XII вв. называют периодом этнического брожения. Определяющими направлениями миграции стали восток и северо-восток, места рождения нового этноса.

Великоросский этнос, русские, рождался в результате ассимиляции славянами-русичами финских племен, муромы, мери, веси – всех тех народов, которые русичами назывались чудью, а также татаро-монгол в монгольский период. Так возникал новый этнос, мешались языки и традиции. Но этнос – единая культурно-цивилизационная общность, которая определяется единой ментальностью,

воплощенной во всех культурно-цивилизационных формах. Это общность, единство, осознающее свое своеобразие, свою отделенность от других этносов. Именно православие стало тем метафизическим объединяющим началом, объединительной идеей для великороссов.

Ассимиляция славянами многих племен была предопределена добротой и терпимостью, присущими православию, которое впитывало в себя многочисленные верования, тем самым способствуя успеху колонизации. Неслучайно самым распространенным видом колонизации была монастырская колонизация. Монахи в поисках пустынных мест первыми приходили в глушь лесов. Строили сначала скиты, потом монастыри. Многочисленные лесные монастыри (в XIV в. их было построено 42, в XV – 57, в XVI – 51) становились опорными пунктами в заселении этих мест, поскольку в них всегда можно было спастись от голода, научиться земледелию, строительству изб, найти приют под старость. Монастыри являлись носителями православной ментальности и традиций. Таким образом, около монастырей утверждался новый православный мир. Православие объединяло население в единый великоросский этнос, цементировало его единство.

Так, земледельческое население стало называть себя крестьянами к XV в. оттого, что были крещены, носили крест. Словосочетание «люди православные» стало естественным и только впоследствии было отождествлено со словосочетанием «люди русские». Понятие «русская земля» в XIII–XIV вв. практически не употреблялось, как правило, говорили «Святая Русь», что лишним раз доказывает, что объединяющим население стержнем было православие, а не территория.

Решающим фактором в осознании себя единым этносом – православными – для населения стали битвы Александра Невского против рыцарей – крестоносцев и в особенности Куликовская битва. Историки эту битву выделяют именно потому, что она стала ключевым событием в осознании культурно-этнического единства как православного единства, и потому, что после нее прочно утвердилась идея единой земли.

Известно, что современная Россия как государство выросла из Московского княжества путем его расширения за счет колонизаторской деятельности и путем присоединения других княжеств. Роль православия и православной церкви в этом процессе, несомненно, определяющая. Эта роль была обусловлена особым положением церкви в монгольский период. Согласно закону Монгольской империи церковь оставалась свободной. Поскольку закон можно было обойти, церковь в лице митрополита Кирилла впервые получила охран-

ную грамоту от Батые и получала всегда впоследствии. Благодаря такому положению православная церковь могла в максимальной степени осуществлять культурно-цивилизационную деятельность, способствуя и духовному, и политическому объединению.

Перенос митрополичьей кафедры в Москву после смерти митрополита Петра сделал ее религиозным центром. Впечатление от этого события было чрезвычайным: оно повысило доверие народа к московскому князю; с этих пор в народном сознании деятельность московского князя накрепко стала связываться с деятельностью церкви, которая всегда была беззаветной защитницей Руси в Орде. Таким образом, Москва стала носительницей православной идеи. Именно поэтому к московскому княжеству присоединили свои уделы литовские князья после женитьбы Ягайло на наследнице польского королевства в 1386 г., московскому князю открыл ворота простой народ Твери, предав своих князей. Понимая важность православной идеи для возвышения Москвы и ее превращения в столицу православия, Иван III женился на племяннице последнего византийского императора, превратив Москву в Третий Рим.

Таким образом, определяющая роль православия в становлении культурно-этнической и цивилизационно-политической целостности была реализована в соответствии с естественной логикой: вера одна – один народ – одна общая земля – одно государство.

Православие определило ментальные доминанты русской культуры, такие как абсолютизм, доброта, аскетизм, смиренность, соборность. Действительно, славяне с их добротой, присущим им абсолютизмом, прямодушием, бескомпромиссностью, как уже было отмечено, в проповеди Христа выделили призыв к милосердию, к аскетизму, непротвлению злу. При этом именно абсолютизм, направленность на восприятие всего в крайнем, предельном выражении создает тот фон, на котором происходит восприятие, прежде всего, христианских заповедей. Поэтому проповедь милосердия становится проповедью самопожертвования и самоотречения; сверхполным и сверхточным оказывается понимание смирения, аскетизма, сострадания.

Действительно, в русском православном мире быть добрым значило быть абсолютно добрым, т. е. добрым ко всем без исключения, даже к врагам. Такими были Борис и Глеб, которые перед смертью от рук убийц, посланных их братом Святославом, не просто простили их по примеру Христа, но Борис назвал убийц братьями («Братия моя милая и любимая») и пожелал им на прощание мира и мира брату своему.

Другой оттенок абсолютно понятой проповеди добра – это добро как нищелюбие. Поэтому нищих на Руси, в России было всегда много, но только для русской культуры было естественно утверждение о том, что нищие нужны обществу, дабы пробуждать постоянно человеколюбие. С позиций российской ментальности они нужны обществу, как клинике нужны больные.

Быть добрым значило быть добрым до самопожертвования, если отдавать, то насколько возможно, забывая о себе. Именно такова Ульяна Устиновна Осорыгина, о которой пишет В. О. Ключевский в работе «Добрые люди Древней Руси». Эта женщина глубоко усвоила проповедь о доброте как нищелюбии, о тайной и личной милостыне, милостыне, подаваемой из рук в руки. До замужества, живя у тетки, она обшивала всех сирот и немощных в своей деревне. После замужества она оказалась умной и распорядительной хозяйкой, но в свободное время она шила и пряла, продавала свое рукоделие и выручку тайком раздавала нищим. Когда при царе Борисе наступил трехлетний голод, многие господа прогоняли своих холопов, чтобы не кормить их, Ульяна Устиновна привечала всех, сначала продала весь скот, дабы кормить нищих, наконец, когда все запасы были исчерпаны, она начала печь хлеб из древесной коры и лебеды для себя и всех страждущих и дошла до такой степени нищеты, обобрала себя настолько, что ей не в чем стало выйти в церковь [1]. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» умиляется поступком мужиков, которые, рискуя жизнью, рискуя оставить сиротами своих детей, соглашались перевести по весеннему льду женщину, у которой заболела дочка, несмотря на то, что девочка была у родных, была окружена заботой родных и хорошего доктора. Насколько писателя восхищает поступок русских мужиков, настолько его возмущает поведение состоятельных европейцев на курорте, которые в отличие от русских отдыхающих в качестве подаяния на содержание и курортное лечение бедных отдают ровно столько, сколько могут, дабы не ограничить себя ни в чем, ни в какой мелочи, даже во фруктах к завтраку. Именно такое проявление заботы о нуждающемся писатель назвал средним стандартом доброты [2].

Доброта в ее абсолютной форме воплотилась в утверждении такого типа святых, как страстотерпцы, аналога которому в европейской культуре не существует. Действительно, только абсолютная жалость – жалеть, так жалеть, жалеть настолько, что сразу зачислять в святые, – заставила русский народ причислить к лику святых братьев Бориса и Глеба, Никодима Кожезерского, который в гостях случайно съел отраву, приготовленную женой злодейкой для мужа, Артемия Веркольского, двенад-

цатилетнего отрока, убитого в поле молнией, Кирилла Вельского, который утопился, не стерпев притеснений воеводы, Николая II с семьей, расстрелянных большевиками, и многих других.

При этом среди русских святых есть мученики за веру. Однако народное сознание с присущей ему абсолютной добротой, чистой сострадательностью выделяет именно страстотерпцев. Мало кто помнит рязанского князя Романа Ольговича, рассеченного на части в Орде за оскорбительные слова о татарском язычестве, однако Бориса и Глеба, младенца Дмитрия, убитого в Угличе по приказу Бориса Годунова, знают все.

Смиренность как ментальная доминанта русской культуры означает быть абсолютно покорным, не противиться ничему: не бороться с властью, ибо она от Бога («Бога бойтесь, а князя чтите», – поучал новгородский епископ Лука Жидята), не противиться судьбе, поскольку это тоже от Бога. Смирение, изумительная кротость, согласно повествованию Дмитрия Ростовского, являли братья Борис и Глеб, которые знали, что брат их замыслил убийство, но все-таки ехали на зов своего убийцы. В соответствии с этой доминантой в России не было принято читать Библию, так как в Ветхом Завете можно было усмотреть призыв к должному ответу – око за око, зуб за зуб. Смиренность как долготерпение обусловила столь длительный период крепостного права, нарушаемый редкими бунтами.

Однако смиренность одних ведет к разнузданности других, в первую очередь власти. Для русской, российской и других исторических типов власти нашей культуры характерно довольно пренебрежительное отношение к народу как к человеческому материалу. Петр I строил флот, города, государство, не считая человеческих жизней, приговаривая: «Бабы еще нарожают».

Кроме того, смиренность в своем абсолютном выражении выступает как приниженность, объективируется в таком культурном явлении, как холопство. Холопство, например, определило стилистику письма, когда гордая боярыня, обращаясь к царю, называет себя приниженно бедной и беспомощной женишкой, а Иван Грозный заканчивает письмо подписью: «Холоп твой Ивашка». П. Я. Чаадаев, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов горестно и гневно говорили о самодурстве чиновников, скотском, рабском положении народа, принимающего покорно такой порядок жизни. Поэтому и крепостничество в России было отменено сверху, стало в значительной степени результатом деятельности отдельных политических и общественных деятелей.

Абсолютизм как ментальная доминанта, как было сказано выше, приводит к в высшей степени точному и полному призыву не заботиться о земном

благие ради будущей вечной жизни. Данная ценность делает Пасху самым значительным православным праздником, поскольку в это время мы радуемся воскресению Иисуса Христа и своей возможности воскреснуть после Страшного суда в Царствии Божьем. Этот праздник напоминает нам о главенстве вечной жизни перед земной.

Культом пренебрежения к земному пронизано рассуждение В. С. Соловьёва (1853–1900) о трех силах. Первая – сила подавления, подчинения одному началу – характерна для ислама. Вторая – индивидуализирующая, сила частной инициативы, личной свободы – свойственна Западу. Третья – божественная сила – направлена на одухотворение, на служение божеству. Славянство есть воплощение этой третьей, лучшей, силы. Поэтому интересы русского народа, отмечает В. С. Соловьёв, лежат вне низших частных сфер деятельности, он равнодушен к жизни с ее мелкими интересами, для него характерна вера в действительность высшего мира (мира Добра и Справедливости) [3].

Абсолютное пренебрежение к земному означает утверждение такой ценности, как аскетизм. При этом, как уже было сказано, для русской культуры характерно именно абсолютистское прочтение проповеди аскетизма, которое безмерно усиливает пренебрежение к ценностям комфорта, уюта, к материальным благам. Это находит воплощение в архитектонике православного храма, классическая луковица которого имитирует пламя свечи и призывает нас к жизни как горению во имя любви к Богу, где следует молиться стоя или на коленях без всякого намека на удобство.

Пренебрежение к комфорту как черту русской ментальности, русской культуры отмечал П. Я. Чаадаев, восклицая, что мы живем без удобств. Позднее А. С. Пушкину приходилось доказывать, что «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей».

Абсолютное прочтение проповеди аскетизма предопределило широкое распространение такого феномена, как юродство. Юродивый всем своим образом жизни утверждает низменность и ненужность забот о материальном благополучии. Это человек мнимо безумный, добровольно надевающий на себя личину безумия, чтобы скрыть свою святость, избежать мирской славы ради возможности обличать открыто любые отступления от христианских идеалов. Юродивый зачастую был единственной фигурой, имевшей моральное право, с православной точки зрения, критиковать, поскольку критикует не разумный человек, а божий человек, нищий духом, открытый Богу. Поэтому юродивому прощались любые дерзкие поступки. Они – образец самого высокого аскетического подвига.

Монах Киево-Печерского монастыря Исаакий Затворник, готовясь к подвигу юродства, облекся в

колючую власяницу, а поверх ее в сырую шкуру, обсохшая вокруг тела шкура тесно прижала к нему власяницу, не давая ни секунды покоя. Василий Блаженный, современник Ивана Грозного, носил вериги, цепи, терпел лютей холод, ему копеечка жгла руку, он выплескивал вино, поданное самим царем, открыто называл царя душегубом. Отметим, что юродство возникло в Европе в V в., однако Вселенский собор 692 г. наложил на него запрет, потом в VIII–IX вв. был подъем этого движения, но начиная с XII в. оно было окончательно загнано в Европе за монастырские стены, чтобы не эпатаживать хлопочущих о своем благополучии граждан. Напротив, в России это движение прижилось, его расцвет пришелся на XV–XVII вв.

Возвышение в ценности абсолютистски понятого аскетизма выражается и в пренебрежении к изобретению и производству бытовой техники, автомобилей, всего того, что способствует бытовому комфорту. Многие изобретения подобного рода, даже появившись в России, актуализировались лишь в западноевропейской культуре.

Абсолютное прочтение догмата о греховности актуализируется в представлении о том, что, так как любой человек – носитель первородного греха, он в принципе не может сделать мир совершенным. Единственное, что он может, это подготовить себя для иного мира. Путь же один – путь лишений и отказа от всего мирского. По-настоящему можно спастись только постом, отшельничеством и монашеством, поэтому многие хотя бы перед смертью хотели принять монашеский постриг. Такой настоящий путь спасения был труден, недоступен большинству. Можно было спастись и в миру, путь – известен.

Другим следствием принципиальной невозможности сделать наш мир совершенным становится представление о бессмысленности житейских забот, которые именуются мелкими, низменными. Наша жизнь – это краткий переход к иной, лучшей жизни. Этим объясняются и многотерпение, и долгое крепостничество, и способность жить идеалами, жертвовать ради них, и любовь к дальнему, что имеет оборотную сторону – пренебрежение к ближнему.

Жизнь во имя идеала порождает неудовлетворенность настоящим, повседневным. А. П. Чехов отмечал, что русский человек не любит жить. При этом абсолютизм предопределил такую высоту нравственного идеала, которая отпугивает обывателя. Невозможность следования такому идеалу, в частности, ведет к бездействию, к отвержению попыток совершенствования, так в нем мало цивилизационного, так в нем много трансцендентального. «Я как-то слепо убежден, – писал Ф. М. Достоевский, – что нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и

мерзок... Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем бы он желал стать, а идеалы его сильны и святы...» [2, с. 144]. Аналогично И. Ильин утверждает идеал преподавателя философии – философ должен преподавать свою философию, самым разработанную философскую систему и никакую другую.

Абсолютизм проявляется в поляризованности русского характера, в предпочтении крайностей при выборе, невозможности придерживаться золотой середины, также в том феномене, который называется шириной русской души.

Выбор крайностей задается, в частности, пониманием абсолютности отступления от нравственных норм, отступления как глубочайшего падения в пропасть, из которой выбраться невозможно. Поэтому представление о принципиальной, абсолютной греховности человека порождает невозможность искупления проступка, что задает другую крайность: семь бед – один ответ. Этим и страшен был русский бунт в своей беспощадности и бессмысленности.

Н. А. Бердяев отмечал поляризованность русского характера, в котором, по его мнению, странным образом совмещаются совершенно противоположные черты: доброта с жестокостью, самоуничтожение с национальным шовинизмом, религиозность с яростным уничтожением святых [4].

Поляризованностью, воплощением в крайностях отличается и русская святость, как отмечал С. С. Аверинцев. Он писал, что, если в русском сознании святой грозен, он до того грозен, что верующая душа может только по-детски робеть и растилаться в трепете. Если он кроток, его кротость – бездна. Абсолютная кротость – это и Борис и Глеб, это – и Сергей Радонежский, который слышит от своего брата по крови и по иночеству прекословие и безмолвно, безответно уходит из обители, даже не зайдя в свою келью. Это один полюс [5].

Другой – в грозной святости многих святителей. Таков был новгородский епископ XV в. святой Ефимий. Чудеса, о которых повествует его житие, как правило, карающие чудеса: умирает человек, не поверивший в его власть сотворить чудо, умирает другой, видевший его во сне, но не рассказавший об этом, т.е. не исполнивший его поручения. Таков был и Иосиф Волоцкий, призывающий «еретика и отступника не токмо осужать, но и проклинати, царем же, и князем, и судием подобает сих и в заточение посылати, и казням лютым предавати». Призывая боярина относиться к зависимым людям по-человечески, Иосиф Волоцкий взывает не к его жалости, а к его страху перед Страшным судом. В послании княгине Голениной, потерявшей детей, святитель вместо слов утешения объясняет вдове, что Бог забрал их юными, потому что они виноваты

сами, поскольку были склонны ко злу, Бог предвидел, что они будут жить «житием злым и лукавым». Вместе с тем святитель как носитель русского абсолютизма был спасителем голодающих, попечителем детей, оставшихся без родителей, он был готов на все, «дабы никто не шел с монастыря не ядши».

Другой аспект воплощения абсолютизма в русском образе жизни – это многочисленные проявления широты устремлений, размаха действий русского человека. М. Алданов в своих заметках о русском народе пишет, что крупных состояний в России было довольно много. И, за тремя-четырьмя исключениями, ни одно из этих богатств не оставалось в семье дольше двух-трех поколений. Были исключения просто потому, что размер состояний был таков, что их невозможно было растратить за эти поколения. Екатерина II шуточно говорила про одного из таких богачей, что в его жизни большая трагедия: он хочет прожить свой годовой доход, но не может. Русский человек широк не только в этом, но абсолютно во всем: в своем добре и своей ненависти; в своем восхищении Западом и своем отрицании западных ценностей; в религиозности и в отступничестве. Настолько широк, что Ф. М. Достоевский высказал мысль о том, что русский человек настолько широк, что его следовало бы сузить [2].

Абсолютизм становится той призмой, тем фоном, который определял и определяет восприятие русской культурой многообразных феноменов других культур. Так, абсолютным становится восхищение европейской культурой в XIX в. Примером чему является установившаяся после европейского похода русской армии в ходе войны с Наполеоном мода на все европейское: окончательно вошла в русскую культуру елка как атрибут Рождества, при этом ели украшали с истинно русским абсолютным размахом – золотом, драгоценностями, ради чего продавали деревни, крепостных. Европеизации подвергаются и другие сферы культуры. Утверждается дендизм как европеизация светской жизни, что воплощается в осознании необходимости окружить себя комфортом и удобствами, изящно одеваться, непременно высказывать не просто критические, а саркастические замечания по поводу политической власти, сочинять эпиграммы на правительство, выступать против раболепия, быть театралом и эрудитом, т.е. прекрасно разбираться в европейской литературе, философии, музыке.

Другой пример – западничество П. Я. Чаадаева, который, как утверждают многие, в порыве полного отрицания православия принял католичество, объявил православие рабской верой и, пафосно вознося Запад как культурный центр мира, столь же резко отзывался о России, русской культуре:

наше образование одно из самых странных и жалких; у нас нет собственного развития; наша нация неспособна ни к глубокомыслию, ни к постоянству; в крови у нас есть что-то отталкивающее, враждебное совершенствованию; мы и существуем для того, чтобы преподать какой-нибудь великий, пугающий урок миру; в семье цивилизованных народов Россия – особое явление, в ее прошлом – рабство и варварство, раблепное подражание другим народам, их идеям, культуре; у нас нет собственного стержня, мы страна заимствований и т. п.

В последующем эту традицию абсолютского горячего критицизма можно наблюдать у многих носителей русской ментальности, авторов русской идеи. Н. А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» называет Московскую Русь бессмысленным и бессловесным царством, интеллигенцию – «монашеским орденом со своей особой нетерпимой моралью», которому свойственен крайний фанатизм, русский максимализм, идолопоклонническое отношение к наукам и многое другое [4].

Столь же абсолютистской, крайне негодующей и гневной была реакция на «Философические письма» П. Я. Чаадаева в ряде славянофильских учений, отстаивающих уникальность и самобытность русской культуры, православие как религию свободы, любви и высочайшей доброты, яростно возражавших против усвоения политических институтов Запада – парламента, ограничения монархии, обличающих безнравственность Запада, который потерял мораль, у которого отсутствует великодушие и милосердие, характеризующих Запад как ложную цивилизацию, поскольку в ней господствует уважение к праву и преклонение перед государством.

Соборность как сугубо и собственно православную ценность выделил и определил А. С. Хомяков. Соборность – это единство многих людей, основанное на любви к Богу, к Иисусу Христу, к правде Божьей. Поскольку верующие искренне свободны в любви к Христу, то церковь как объединение верующих есть не просто единство многих, но единство свободных в своей любви к Богу личностей. Только православие осуществляет принцип соборности. Католическая церковь есть единство без свободы, протестантизм – это свобода без единства [6].

Принцип соборности означает, что никто: ни патриарх, ни духовенство, ни Вселенский собор –

не является абсолютным носителем Божьей истины, абсолютной правды и совести. Таким носителем является только церковь в целом, церковь как единство пастырей и паствы.

Воплощением соборности, по мнению многих русских мыслителей, является русская деревенская община, мир, с его правилом принимать решения сообща, всем миром, с его критериями верности, правильности решения – справедливостью, совестью, «поступили по-божески». С. Л. Франк считал, что только соборность может стать принципом общественного устройства. Он исходил из двойственной (духовной и физической) природы человека и выделял два уровня бытия – соборное и общественное. Эти уровни должны составлять единство: духовное содержание как осуществление идеала соборности, и дает не механическую, а живую общность, живое общество [6]. Естественно, что именно соборностью Н. А. Бердяев объяснил принятие социалистической идеи как идеи общего интереса и, соответственно, равенства и братства. Другое дело, что воплощение этой идеи в реальность разрушило соборную триаду – единство, свобода, любовь к Богу.

Соборностью И. А. Ильин объяснял возможность построения и существования многонациональной Российской империи. По его мнению, в понятие «русские» изначально вкладывалась идея собирания всех наций и народов в государственное единство, прочность которого обеспечивало одно религиозное чувство с предельной веротерпимостью к другому. Потому и «русские» – в русском языке – единственное название нации, именуемой прилагательным, обозначающим «относящиеся к народам Руси». Тот же А. С. Хомяков называл православие исторической формой соборности.

Представляется, что данное состояние национального самосознания, системы духовных, нравственных идеалов представляет собой проблему, основную роль в решении которой должна играть Русская православная церковь как социальный институт и как подлинная носительница православных идеалов. Если православие стало основой в становлении культурно-этнической и цивилизационно-политической целостности, то именно русское православие было и будет ядром национального самосознания, русской идеи.

Список литературы

1. Ключевский В. О. Исторические портреты. М.: Правда, 1991. 624 с.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М.: Современник, 1989. 557 с.
3. Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
5. Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 210–220.
6. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.

Кокаревич М. Н., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры.

Томский государственный архитектурно-строительный университет.

Пл. Соляная, 2, г. Томск, Томская область, Россия, 634003.

E-mail: kokarevich@mail.ru

Материал поступил в редакцию 27.05.2010.

M. N. Kokarevich

**THE FOUNDATIONS OF UNIQUENESS AND EQUIVALENCE OF CULTURES AS CONDITION
FOR CROSS-CULTURAL TOLERANCE**

In the article the author shows that awareness of uniqueness of each of culture is a condition for acknowledgment of equivalence of all cultures. This statement points to tolerant relations between cultures.

Key words: *cultural-historic type, Russian culture, mentality of culture.*

Tomsk State University of Architecture and Building.

Pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634003.

E-mail: kokarevich@mail.ru